

Никанором, епископом Архангельским и Холмогорским, к окончившим курс епарх. женского училища, перед отправлением их на учительские должности, 23 августа 1894 года: [в 2-х частях]. Ч. 1: Дух и характер церковной школы по ее истории; Ч. 2 (окончание): Дух и характер церковной школы, по духу Православия // Архангельские епархиальные ведомости (Часть неофициальная). 1894. № 19. С. 516-527; № 20. С. 569-578.

Дух и характер церковной школы. Беседа, сказанная Преосвящ. Никанором, Епископом Архангельским и Холмогорским, к окончившим курс Епарх. женского училища, пред отправлением их на учительские должности, 23 Августа 1894 года. (Окончание).

II.

Дух и характер церковной школы, по духу Православия.

Православие есть самая верная и полная форма выражения истинного понятия о Боге и жизни по воле Его, или иначе оно есть самая истинная религия.

По обычному определению религия есть взаимное отношение людей с Богом. По сему религиозная область представляется обнимающею все то, что так или иначе касается указанного взаимного отношения между Богом и людьми. Прежде и более всего религия касается человеческого духа, со всеми его силами и состояниями, а потом и тела, и всех взаимных отношений людей, насколько эти отношения определяются отношениями к Богу. Различные определения этих отношений к Богу и преимущественное внимание к той или другой стороне оных дают различные виды религий. Таковы напр. религии: фетишизма (почитание вещей), антропоморфизма (обожание людей), магометанство, иудейство, католичество, протестанство, православие. Смотря по тому, что берется за существо, определяющее религиозные отношения и на какую сторону склоняется центр тяжести всех религиозных отношений, таков получается дух и характер той или иной религии. Полудикакие народы, чтущие за Бога разные видимые предметы, нейдут далее чувственных отношений и потому чувственность служит их отличительною особенностью. Напротив, стоящие на высшей степени умственного развития протестуют против всякой внешности в религиозных отношениях, при чем мистики доходят до болезненного стремления вырваться из уз внешнего бытия, чтобы в экстатическом, отрешенном от чувственности, чисто-мнимо-духовном состоянии, хотя на время слиться в единобытие, с духом всесовершенным. Столь же образованные, но более чувственные народы никак не могут отрешиться от некоторой материализации всего духовного и потому они.

стремясь воплотить христианские начала, во многом доходят до очевидного извращения духовных представлений во внешние формы и обрядности несогласные с духом христианской религии. В Православной же церкви религия духа освятила собою, как всех членов её, так и все взаимные отношения их. в особенности же их духовно-телесные отношения к Богу. Это совершалось и совершается прежде всего путем священной таинственной жизни, дарованной чрез Христа в Св. Духе, и потом чрез определение существенных истин веры (на Вселенских соборах) и регулирование всех жизненных отношений, чрез установление церковной дисциплины и гармонически-полное сочетание богослужебного Устава со всею полнотою духовно-телесных потребностей жизни христиан.

Когда предки наши принимали Православие, то многие обращали преимущественное внимание на обрядовую сторону веры, почему у многих получился обрядоверный характер их религии, но пастыри церковные и лучшие из новопросвещенных сразу же погружались во всю благодатную сферу духа жизни Православной церкви и просияли, как великие и святые светочи Православия. Всё то священное наследие, которое мы восприняли от Греко-Восточной церкви и все то духовное богатство, которое возросло на этой благодостойной почве у нас составляет ту сферу нашей религиозной жизни, в которой мы рождаемся духовно, живем, умираем и продолжаем жить в посмертном союзе церковном.

Из этого понятия о Православии открывается и то, какой должен быть дух и характер обучения в школах Православной церкви. Здесь конечно первый вопрос о том, как само Православие может сделаться предметом изучения: с исторической ли точки зрения, как изучаются религии древнего мира, или с объективно-наглядной, как изучаются путешественниками религии разных современных народов, или же практически, жизненно?

В разной мере все указанные способы хороши, все они могут привести к Православию, но практический путь есть наилучший. Он непосредственно и прямо вводит в дух жизни Православия, составляющего живой поток жизни, пьющий из которого и познает и чувствует его как оживотворяемый им.

Как нельзя наилучшим образом познать приятность купаний в чистой воде, помимо купанья в этой воде, так невозможно вполне постигнуть блаженство веры и жизни по духу Православия без практического восприятия онаго и осуществления его в жизни.

Таким образом, основной характер обучения в церковной школе по духу Православия должен быть церковно-практический. Отсюда открывается, что все то. в чем практически проявляется Православие должно быть первым и преимущественным предметом и обучения и живого осуществления, или

воспитании. Поэтому, церковность должна быть в школе церковной на первом плане и она же должна быть конечной целью школьного обучения, в наивысшей форме её осуществления. И этот церковно-практический дух и характер нашей школы может выражаться и осуществляться везде и во всем, т.е. как в выборе общих и частных предметов изучения, так и в методах и способах преподавания, преимущественно же в школьной дисциплине.

Обычные предметы школьного обучения: молитвы, Священная история...

Предметы эти духовны и священны сами по себе, но им можно придать особенный церковно-практический характер, напр. чрез изучение молитв только тех, которые употребляются за церковным богослужением и притом в том порядке, в коем они там употребляются. В особенности же будет практичным, когда эти молитвы будут изучаться накануне тех нарочитых дней, когда они поются в церкви, для чего при изучении их должно прибегать и к пению, с тем, чтобы потом ученики пропели эту молитву и в храме. Так напр. можно сделать относительно молитвы „Спаси Господи люди Твоя“... А главное, должно помнить, что обучение словам молитвы должно совершаться совместно с действительным осуществлением её, для чего ученики должны при учении молитв быть приучаемы к молитвенному настроению и положению.

Преподавание священной истории также должно совершаться церковно-практическим путем, для чего должно пользоваться праздниками, как обстоятельствами, около которых должны концентрироваться уроки, которые или могут быть повторяемы в храме (чрез слушание евангельских и других чтений), или после слышания в церкви воспроизводиться дома¹. При этом чтение более подходящей паремии по Библии, или прямо по церковной книге, в особенности каким-либо лучшим ученикам, как в школе, так и в церкви, будет и достижением церковно-практического идеала школы. Ублажаемая в тот день священная икона, которую будут не только видеть все, но и благоговейно целовать, — послужит наглядным обучением и вместе удовлетворением полноты живой религиозной потребности, стремящейся выразить свое почтение, свою любовь и поклонение тому, что так прославляется и в школе и в храме, всем великим множеством народа, среди коего и школьники являются полноправными лицами, сознательно служащими Господу и Святым Его². Преподавание грамоты также може быть проводником церковно-практических сведений и настроений, необходимых для православного христианина, и притом чем далее, тем более.

1 Более обстоятельное раскрытие нашего взгляда на преподавание Истории и в особенности Катихизиса. См. в журнале Странник 1879 года.

2 „Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса есть церковность, в которой неисходно должны быть воспитываемы дети“, говорил недавно почивший Преосв. Феофан-затворник. „Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты, огревание от блестящего и привлекательного в мирской суете, не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы — первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе“. (Душеп. Чт. 1894 г. № 3. ст. 519).

Прежде при звуке А внушали иметь представление Ангела, а теперь стали писать араба; при звуке Б внушалось помышлять о Боге и Божестве, а теперь предпочитают нарисовать над этою буквою быка и т.д. Если бы оказалось нужным и желанным сопровождать обучение грамоте показыванием картинок, то в церковной школе несомненно уместнее Ангелы и Божество, нежели арабы и быки с пресловутою осою, над которою так долго сидели многие не так давно учившиеся у таких учителей, которые скорость обучения первым звукам возводили в артистическое искусство. Между тем, опытные люди сообщают, что лучше выходит читающим не тот, кто скоро научился разбирать читаемое, а тот кто долго твердил одно и то же и чрез то привык к твердому и отчетливому чтению всего, что ему приходилось читать потом, так как для него твердое чтение было и привычным и единственно возможным, тогда как для скоро выучившегося лишь бы разобрать, лишь бы прочесть, — вот первая, а потом и дальнейшая печальная привычка.

Приложение к практике церковного умения читать также ведет к навыку читать внятно, отдельно, слышимо для многих, т.е. к наилучшему чтению. И то должно сказать, что кто привык прилагать свое умение читать к практическому церковному употреблению, тот навсегда застрахован от возможности забыть всякое чтение, что между тем со многими бывало, как удостоверяют это воинские присутствие, в которых оказывались забывшими грамоту учившиеся в школе подолгу и получившие свидетельство на льготу по воинской повинности.

О том, сколь важно и драгоценно практически-церковное обучение в школе пению, — нечего и говорить, ибо не только быть певцом в церкви, но и слышать оных поющими хорошо в церкви, — это одно из высших христианских наслаждений, а вместе и дел самых высоких и святых.

Таким образом все предметы преподавания в церковной школе должны и легко могут быть запечатлены духом церковности и всячески приложены к практическому их осуществлению, при чем главное, к чему должно быть направлено все обучение, должно заключаться в том, чтобы воспитать в детях любовь ко всему священному, божественному, церковному; привить охоту и стремление почитать что либо духовно-нравственное, патриотическое; возбудить стремление к посещению храма Божия возможно частому, с участием в чтении и пении; воспитать стремление к святой и совершеннейшей жизни, по подобию чествуемых церковью святых и ко всему, в чем эта жизнь выражается и осуществляется в Православной церкви, начиная от таинства крещения и до священства включительно. Возбуждение уважения и любви ко всему духовному должно тоже совершаться путем практических уроков и навыков. При этом прислуживание в церкви может иметь великое значение и особенно сильное действие может быть оказываемо в этом направлении чрез предоставление избраннейшим ученикам возможности облачаться в церковные

одежды (стихари) и приучение сопутствовать духовенству при требоисправлениях, не чуждых некоторого общественного характера. Но главным воспитательным средством должна быть школьная дисциплина, которая в церковной школе должна быть подобной или приближающейся к церковной. Она должна быть запечатлена духом церковности, т.е. в ней должно все иметь высоко-нравственный характер, так чтобы ученик по внушению внутреннего чувства понимал: что совершенно невозможно в школе, как он знает это относительно храма, по отношению к которому школа должна мыслиться как бы преддверием. По всему этому, в церковно-школьной дисциплине на первом плане должна быть нравственная порядочность, вытекающая из страха Божия, благоговения к месту и обстоятельству (церковному обучению), а также и почтения к учащим, которые по сему, конечно, должны быть на высоте своего призвания и прежде всего образцами дисциплинарного отношения к делу и лицам. Из сего понятно, что в церковной школе не мыслима внешняя дисциплина и та муштровка, которою сдерживаются школьники, незнающие ни какой сдержки, когда кончается урок. Сердечность, кротость и простота отношений подобных семейным, должны быть свойствами церковных школ, не могущих и не долженствующих претендовать на высшее совершенство внешней дисциплины, как не сродной ученикам, ни по возрасту, ни по их происхождению большею частью из низших сословий. Но за то можно и должно желать, чтобы внутренняя дисциплина в питомцах церковных школ доходила до наивысшего совершенства, которое состоит в полном и неуклонном исполнении всех уставов и порядков церковных. Достигаться это может опять практически, как-то: чрез соблюдение принятых форм почтения старших, чрез говение во время постов, чрез неопустительное посещение храма Божия в Воскресные и праздничные дни, чрез нарочитые путешествия к святым местам, наипаче же чрез исполнение христианского долга исповеди с сокрушением о грехах, принесением плодов покаяния и в особенности чрез принятие Св. Таин тела и крови Господа нашего И. Христа.

День принятия Св. Таин должен быть днем священнейшим. К нему должно подготавливаться постепенно и задолго. Он должен начинаться рано и по возможности весь должен проходить в молениях и благодарениях с коленопреклонениями, целованиями свящ. икон и тому подобными внешними знаками выражения внутренней настроенности души, обращенной к Богу. Это настроение души должно бы озарять душу христианина всегда, чего посильно и достигают постоянно бодрствующие над своею душою. Но так как это задача целой жизни, то отрадными результатами церковно-школьного воспитания должно признать и то, что её питомцы будут поставлять себя пред Богом для особого соединения с Ним в Таинстве в нарочитые времена и дни, озаряемые которыми они не будут далекими от Господа и всегда. В особенности же они не останутся глухими тогда, когда раздастся церковный глас: „покаяния отверзи ми двери Жизнодавче”, а тем паче, когда внутренний голос возопиет: „душе моя, душе моя, востани, что спиши, конец приближается». В заключении всего

должно сказать что, церковь наша есть церковь воинствующая. Но во всяком царстве воинов обучают воинствовать сообразно с силами и развитием страны. Так и мы должны обучать наше воинство царства Божия на земле. И по елику враг наш — грех особенно малосилен бывает в то время, когда он живет в душах юных, то мы и должны поспешить на помощь этим чистым ещё сердцам, чтобы не наполнились они всяким лукавством и не сделались вместо воинов Христовых соратниками врагов спасения, —всякой неправды и заблуждений, из которых самыми пагубнейшими должно признать религиозные заблуждения, как наиболее поселяющие между людьми вражду и всякое нестроение. Нельзя еще не присовокупить и того, что в царстве Божиим несть Еллин ни Иудей, варвар и Скиф, несть мужской пол, ни женский. По сему должно обучать в церковной школе всех желающих учиться в ней, ибо кто будет с нами — тот не будет против нас. Девочек же должно привлекать в церковные школы по преимуществу, так как они могут быть особенно надежными соработницами Христу, как имеющие быть матерями будущего поколения, имеющего — чрез доброе материнское воспитание и обучение — упрочить дух Православной веры и жизнь нашей Церкви, а с нею крепость Царского Престола и славу нашего отечества на веки.

Но для обучения девочек особенно пригодны тоже лица женского пола, которые вместе с тем могут быть весьма удобными учительницами и для малолетних мальчиков, как не очень разнствующих от девочек, по своим первоначальным свойствам. По всему этому вы, как рожденные, воспитанные и обученные в духе веры и благочестия Православно-христианского, представляетесь наилучшими сотрудницами родному вам духовенству, взлелеявшему вас многолетним своим старанием о вас.

Оправдайте же благие надежды на вас, чрез усердное и неуклонное введение в вверяемой вам школы того духа Православия, которым жила и крепла Святая Русь. Быть может теперь не очень оценят ваш труд. Что делать? Сам верховный Апостол языков Павел писал о себе: мы нищи, а всех обогащаем. Также могут сказать многие отцы и братья ваши, трудящиеся на поприще церковной деятельности, и даже могут присовокупить: до нынешнего часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и скитаемся, делаяще своими руками (1Кор.:4.10). Не можно и вам быть чуждыми сего почти общего положения нашего бедного духовенства, которое однако все более и более улучшается благостным попечением нашего Любвеобильного Монарха и Отца Отечества. И ваши лепты внесут некоторую долю улучшения в родной вам быть, а, главное, то, что и сами вы, уча других будете учиться и вместе с тем усовершенствоваться во всем, елика честна, елика доброхвальна. Оставаясь же без учебного дела, лишитесь и того развития, которое имеете, ибо известно, что кто нейдет вперед, тот движется назад.

Итак идите с Богом на святое дело учительства, сейте разумное, доброе,

вечное: спасибо скажет сердечное вам русский народ.

Дух и характер церковной школы

Беседа, сказанная Преосвящ. Никанором, Епископом Архангельским и Холмогорским, к окончившим курс Епарх. женского училища, пред отправлением их на учительские должности, 23 Августа 1894 года

I

Дух и характер церковной школы по её истории

„Державная воля возлюбленного Монарха (нашего) подтверждает ныне Православному духовенству возложенную на него долгом звания обязанность учительства к просвещению народа в истинах Православной веры и в правилах благочестия. Слово Монарха, обращенное к пастырям и учителям церкви, послужит новым для них возбуждением к ревности о священном их служении, дабы совокупленным их трудом и примером собственной жизни воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в сердца их любовь к Св. Церкви и преданность Царю и Отечеству”.

Так писал Святейший Синод, обнародывая Высочайше утвержденные правила о церковно-приходских школах, в Указе от 21 Июня 1884 года. Здесь же далее говорилось: Святейший Синод питает надежду, что Архипастыри Всероссийской Церкви со тщанием и любовью приложат труд свой к утверждению в народной школе церковного начального образования в духе благочестия, что священники, руководствуясь 10 правилом Седьмого Вселенского Собора, будут помнить, что им. «паче всего подобает учить отроков, читая им Божественное Писание, ибо для сего и священство получили, и что вообще все члены клира, служа по мере сил народному просвещению, оправдают то высокое доверие к православному духовенству, которое Государь Император благоволил выразить при утверждении настоящих правил”. А Его Величеству благоугодно было Собственноручно начертать:

„Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле”.

В § 1 правил о церковно-приходских школах говорится, что „школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания”. В § 9: „Приходские школы нераздельно с церковью должны внушать детям любовь к церкви и богослужению, дабы посещение церкви и участие в богослужении соделалось навыком и потребностью сердца учащихся”. В § 22 говорится о представлении Епарх. Архиерею Епарх. Училищным Советом соображений о мерах, кои могут способствовать распространению в народе просвещения в духе православной церкви.

В приведенных правилах и внушениях с достаточною определенностью и

ясностью указывается дух и характер церковной школы, как определяемые задачей оной и всею постановкою ея. Но кажется особенно кратко и существенно церковная школа определяется тем, что она должна быть в духе православной церкви.

В отчете за первый год нового существования церковно-приходских школ, в определение особого характера их писалось: 1) Русская народная школа должна иметь историческую основу; 2) Должна утверждаться на незыблемых началах веры православной, стражем и разъяснителем которых может быть лишь православное духовенство, и 3) Должна соответствовать религиозному чувству и желаниям самого народа. Если к этому присовокупить, что Православие составляет основную черту духа истинной жизни русского народа, то станет понятным, что сказать о церковной школе, что она должна быть в духе православной церкви, — значит сказать все. Тогда ясно откроется и то, почему она должна иметь историческую основу и почему она должна соответствовать религиозному чувству и желаниям русского народа, так как история и желания истинно-русского люда — сводятся к преобладающему действию все того же Православного духа жизни.

Полагаю, что изучавшим историю России нетрудно припомнить как на Руси святой все строилось и укреплялось во имя веры православной, как она отстаивала себя, ратуя за веру и отечество с разными врагами его и как она ополчалась на защиту единоверных и что её главные правители были положившие жизнь свою за веру и вседушевно потрудившиеся на распространение и укрепление веры — Св. Подвижники благочестия, храмы которых украшаются стократно лучше, чем все великие памятники других народов³.

В соответствие этому общему духу русского народа, таково же было у нас и просвещение.

Русское образование вышло из церкви и весьма долго церковная школа была единственным источником народного просвещения, всецело запечатленном церковным характером.

По свидетельству Степенной книги, Первый русский Митрополит Михаил призывал к себе учителей и наставлял их „право и благочинно учить юныя дети, якоже словесем книжного разума, такожде благонравию, и в правде и любви и зачалу премудрости, страху Божию, чистоте и смиренномудрию, наипаче же всегда прилагати им учения от Закона Господня на пользу души и телу; от безумных же и непотребных словес всячески ошаятися“. (Лавровский, о древне-русских училищах, стр. 101). Кроме того, по сообщению Татищева (Ист. России 11, 75) „Митр. Михаил советовал Князю Владимиру устроить училище, на утверждение веры и собрать детей в поучение: и так Владимир повелел собрать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам священником со причетники в научение книжное. А летописец, сообщая об учреждении школ, так выясняет их значение. „Велика бо бывает польза от

³Довольно справедливо некто говорит, что история России есть Священная История, а потому все предпринимаемое ныне для образования народа должно быть поставляемо в теснейшую связь с тем, что это народ в высшей мере христианский (См. Рук. для Сел. Паст. 1894 г. № 28. сгр. 278).

учения книжного: книгами бо кажеми и учима есми пути покаянию, мудрость бо собретаем и воздержание от словес книжных, се бо суть река напаяющая вселенную, се суть исходяща мудрости, книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаемы есми, си суть узда вождержанию. Иже бо книги часто чтет, то беседует с Богом, или святыми мужи: почитая пророческия беседы и евангельския учения и апостольския и жития святых отец, восприемлет душа великую пользу“ (П. С. Л. 1, 65-66). Духовенству вменялось тогда в непрременную обязанность „учить людей, понеже тем есть поручено Богом“ (П. С. Л. 1, 66). Где устроился церковный погост, там вместе с приходскою церковью, заводились богадельни и школы, которые как говорит профессор Леонтович, „под влиянием этических воззрений христианства, сливались в древней Руси в один нераздельный институт просветительных, религиозно-воспитательных функций жизни.“

„Школами служили дома всех церковных властей, учреждений, особенно же в монастырях. Кроме членов клира обучали грамоте и особые „мастера“. И нет нигде в исторических источниках ни малейшего намека на земские училища“. „Очевидно“, говорит профессор Леонтович, „в компетенцию земского народа не входил вовсе школьный вопрос“.

Предметами обучения были: азбука с начальными молитвами. После азбуки обыкновенно учили читать часослов. псалтирь и др. церковные книги. И в последующее время обучение грамоте всегда начиналось изучением молитв и правил христианского благочестия. Сообщение же простой грамоты без „наказания“ христианского, считалось не только бесполезным, но даже вредным.

В первом учении отрокам о недобрых грамотеях говорится: „не имущие страха Божия за лишением доброго воспитания, когда читать и писать научились, глухое то искусство обращают себя на орудие злобы, пишут клеветы, ябеды, соблазны, хулы, портят записи, договоры, духовники, претворяют указы, Некие же помышляя о себе, что понеже читать умеют весьма мудри суть, дерзают вымысливать плевельные учения, мнимая им богословская, и в народе раскол делают“.

По этому, издревле при выборе учителя грамоты прежде всего обращалось внимание на его нравственные качества. В Стоглаве пишется: „Избирати добрых духовных священников и диаконов, имущих в сердцах страх Божий, и те бы священники и диаконы и дьячки избранные учили своих учеников страху Божию и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием“. Князья отдавали своих детей, для обучения, в владычния дома, к местным епископам. Так о Тверском князе Михаиле сообщается, что он в 1341 году приехал учиться к Владыке Василию, Архиепископу Новгородскому, своему крестному отцу. И тот отдал его своему протодиакону, мужу богобоязливу и христолюбиву. Когда пришло время учиться Петру Великому, то мать его просила, чтобы сыну её дать учителя кроткого, смиренного и ведущего писания.⁴

4 См. Прибавл. к Церк. Вед. 1894 г. № 33, в статье: Дренне-русс. взгляд на личность начального учителя, стр. 1144-1145.

Только со времени царствования Петра Великого последовало разделение науки и литературы на светскую и духовную. При Екатерине Второй возникли по городам народные училища, имевшие общеобразовательный характер. При Императоре Александре I-м стали заводиться новые училища по селам и деревням, при чем Правительство старалось вести начальное, образование в духе церкви православной, под непосредственным руководством её пастырей. Достоинно упоминания, что в 1836 году изданы были правила первоначального обучения, в коих между прочим говорилось: „обучать чтению церковно-гражданской печати, и желающих письму, самопростейшему изъяснению молитв, катихизиса и главнейших сказаний из Священной Истории, в виде разговоров, без школьной принужденности, буквального вытверживания на память (§ 5). Оказавшим успехи в церковном чтении можно давать место на клиросе, приохочивать их к чтению и пению (§ 56). Можно к предметам учения присовокупить начало арифметики (§ 7). Если раскольники не иначе пожелают отпущать детей своих в учение, как по книгам старопечатным: принимать их с сим условием (§ 9).

Уставом Духовной Консистории (изд. 1841 г.) „Епархиальному Начальству вменяется в обязанность располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ, в виде простом и приспособленном к народному быту”.

В 1863 году считалось 21,520 церковно-приходских школ с 413,524 учеников обоего пола.

Правилами о начальном образовании, изданными в 1864 году, духовенство значительно отстранено было от заведывания начальными школами и это сказалось печальными последствиями в жизни народа.

В это время действовал Граф Л.Н. Толстой в своей знаменитой „Ясной поляне”, вводя рациональное обучение, которое усердно разрабатывали барон Корф, Ушинский, Бунаков и тому подоб. корифеи педагогики 60-х годов, коим особенно сочувствовали либеральные земцы и другие почитатели школ, чуждых религиозного направления, но совершенных по обстановке, по внешней методичности, доведенной до виртуозности в обучении элементам грамоты.

С 1878 года опять стала в обществе и правительственных учреждениях высказываться мысль о предоставлении духовенству должного влияния на народное образование. И вот, плодом этого стремления было издание правил о церковно-приходских школах, обнародованных в 1884 году. Правила эти были выработаны особою комиссиею, бывшею при Свят. Синоде. Мы уже говорили как издание этих правил было встречено Государем Императором и при каких выражениях они были обнародованы Св. Синодом.

Министр Народного Просвещения, в циркуляре попечителям округов, от 24 Июля 1884 г., приветствуя вновь учреждаемые церковные школы, заявил, что „развитием и совершенствованием народных училищ Россия и за последнее время во многом обязана духовенству, потому что, до начала шестидесятых годов священно и церковнослужители были почти единственными учителями сельских школ; они не только учили детей, но и поддерживали школы своими скудными средствами; сотни училищ открыты только потому, что прежде священно-церковнослужители обучали у себя на дому детей и тем подготовляли грамотное население. В заключении же говорилось, что „чины Министерства Народного Просвещения, как центральных, так и местных управлений в сознании необходимости полного единодушия в деле просвещения народа, будут содействовать духовенству в его благих начинаниях всеми зависящими от них способами и всякий более или менее причастный к делу народного образования пусть постоянно имеет в виду, что и ныне существующие училища, и возникающие церковно-приходские, должны стремиться к одной общей цели — к обучению и просвещению подрастающего поколения на незыблемых основах веры и в духе всецелой преданности престолу и отечеству”. Не мало было и других лиц светского звания, которые также сочувственно отнеслись к новоучреждаемым школам. Особенно достойно упоминания, как отнесся к ним весьма известный и влиятельнейший литератор М.Н. Катков. В № 347 издававшихся им Московских Ведомостей, между прочим отпечатаны были такие его слова: „священнослужитель — вот по преимуществу призванный народный учитель, и везде, где государство не находится в борьбе с церковью, стараются народную школу удержать сколь можно в теснейшей связи с религиозными учреждениями. Мальчики и девочки приучались бы к церкви и не отлучались бы от ней. и чрез её горнило проходило бы все то, что им требуется знать, и. что они могут с пользою усвоить”. Особенно видным радетелем нового типа церковно-приходских школ был С.А. Рачинский, поведший вместе с тем пропаганду трезвости. Он воспитал потом несколько достойных учеников и последователей, из коих можно упомянуть г. Горбова. Но более того явился великим деятелем на пользу церковных школ, приснопамятный Директор Казанской Учительской Семинарии неутомимый и глубоко образованный И. Ильминский, издававший сотни тысяч разных руководств и учебных книг для церковных школ и передавший потом свои издания Святейшему Синоду. Его руководственные педагогические статьи о начальном народном обучении также не прошли бесследно. Отчасти, под его влиянием написаны были и мои статьи: „о преподавании Закона Божия вообще, и Катихизиса в-особенности” и „о совместном преподавании Закона Божия в 2 отделениях церковной школы⁵, а моя речь при открытии образцовой школы при Казанской Духовной семинарии во многом заимствована из одной его записки, которую он приготовил тогда для направления в высшие сферы⁶.

5 Статья эта получала одобрительный отзыв в отчете представляемом на Высочайшее усмотрение.

6 Считаю полезным привести из этой речи следующее: „характер и направление учреждаемых ныне школ определяется самым их названием: церковно-приходские. Устроенные при церквах, они должны отличаться

Как сочувственно отнеслось к вновь учреждаемым школам духовенство, это видно из того, как скоро организовались местные управления оными и как много было открыто школ в первый же год и как щедро отовсюду притекала помощь к школам. В первые же учебные месяцы 1884 г. открыто 1167 церковно-приходских школ с 38,770 учащихя и 840 школ грамотности с 15074 учащихя.

Главным двигателем церковно-школьного дела был досточтимый Обер-Прокурор Свят. Синода К.П. Победоносцев. Непосредственными же важнейшими деятелями по церковно-школьному делу были: незабвенный Председатель Училищного Комитета при Свят. Синоде Преосв. Никанор, Архиепископ Одесский и его энергичный товарищ Вл. К. Саблер, а также и настоящий Председатель Комит. Преосв. Герман и неизменные члены оного О.В. Керский и В.П. Шемякин, неумом. обзор. школ.

Обер-Прокурор Свят. Синода, представляя на Высочайшее имя отчет о школах за первый год, между прочим писал: „Преобразованием прежде существовавших церковно-приходских школ и открытием новых духовенство положило начало во второй половине 1884 г. великому делу народного просвещения в духе православной церкви и под её руководством. И затем выражалась такая надежда: „Судя по имеющимся сведениям, можно надеяться, что начатое дело будет продолжаться православным духовенством с тем же усердием и энергиею, какие обнаружены им в начале“. Эти надежды оправдались вполне. В течении 10 лет церковно-школьное дело поставлено на твердую почву во всех отношениях, не исключая даже финансовой, улучшенной едва не в 10 раз сравнительно с тем, что было в начале. И вот теперь насчитывается всех церковно-приходских школ до 29488, в которых учащихя всего 900,088.

Как в начале было, так и теперь, есть много противников церковно-приходских школ. Особенно сильные вылазки против церковно-приходских школ совершал некто Марков, возбуждавший некогда к писанию против него весьма многих защитников церковных школ, писавших в разных духовных журналах. В журнале „Неделя" и недавно появилась статья против церковных школ.⁷

духом церковности и находится в ближайшем общении с церковью. Общение с церковью, как вместилищем и хранительницею всех благодатных даров, должно быть краеугольною основою всех наших приёмов и пособий; в ней же, как неисчерпаемой сокровищнице, мы должны искать и все богатство высоких предметов, все разнообразие наглядных примеров. Церковные школы во всем должны брать образец от церкви. Здесь религиозно-воспитательное действие должно направляться по духу и образцу церковно-богослужебному. Христианин учится молиться в церкви, а в школе молитвы напоминаются и разъясняются. На школьный урок должно смотреть как на приготовление к церковной молитве. Изучать молитвы должно в том составе, в каком они употребляются в церкви, а главное — с благоговением. При изучении Свящ. Истории хорошо обращаться к изображениям на иконах и к стенным церк. изображениям"... (См. Слова и речи стр. 216).

⁷ Много и других пишется и слышится наветов на церковные школы, а еще больше восстают и восставали на церковь и даже на Главу ея Христа, и однако мы веруем, что и врата (силы) адовы не одолеют ея. Также не престанет и церковное учительство, сколь многие не вооружались бы против него.

И более солидные органы часто являются не расположенными к церковным школам: как напр. Университетские Варшавские Известия, где в 1894 году, в книге V явилось исследование Ф.И. Леонтовича, под заглавием: „Школьный вопрос в древней России“, где однако, несмотря на все несочувствие к церковным школам, твердо устанавливается взгляд на древнерусскую школу, как на миссионерскую, с одной стороны и каноническую с другой. По словам Леонтовича, Святой Владимир и Ярослав, „санкционировали (под внушением конечно греческого духовенства) своею властью старый канонический обычай сделали его обычаем земским“.

„Древне-русская школа должна была сделаться для малых детей таким же „храмом Божиим“, как для людей на возрасте — приходской храм. Начало миссионерства строго определило обязательные в каноническом смысле отношения к приходской школе и клира и прихожан, „строго догматизировало весь школьный строй и дисциплину внутреннюю и внешнюю“. „В деле народной культуры на Западе конкурировали рядом с церковью и умеряли её влияние такие могучие деятели, как корпорации университетские, городские. Православная церковь наша наложила совершенно особый узко национальный (!) отпечаток на всю школьную и вообще культурную жизнь древней Руси“. Подводя же итоги своему исследованию, он говорит: „школа образовывала в русском не человека вообще. — задача нашей школы (?) определившаяся лишь со времени Екатерины II, а специально православного“. Кажется, более резкого и определенного разграничения духа и характера школы церковной и светской нельзя и ожидать. Между тем, как первая всегда стремилась воспитывать своих учеников в духе Православия и вместе в духе преданности престолу и отечеству, светская школа стремилась и стремится воспитать вообще человека и даже космополита. „То, чем болит и страдает наша беспринципная школа новейшего времени, (говорит рецензент Леонтовича), школа космополитическая, чуждая духу православия и зиждущимся на его началах всем бытовым особенностям русского народа, возводится в идеал. Повторяя европейские зады о „все-человеке“ времен французской революции, наши ученые педагоги просмотрели, что их учителя уже давно повернули фронт от „все-человека“ к благочестивому патриоту и, к стыду наших отсталых проповедников космополитизма в школе, возглашают: школа должна заимствовать свои правила и законы от свойств народа и его Истории“ (Дистервег)⁸.

Если справедливы эти слова знаменитого Европейского педагога, то можно сказать что наша церковная школа стоит на самом прочном и вечно живом основании, так как религиозность есть одно из самых основных свойств русского народа, и история его есть воплощение или проявление в его жизни духа Православия, по чему и школа его была и должна быть в духе Православия, которым определяется её характер, и при том как внешний, так и

⁸ Смотр. Приб. к Церк. Вед. 1894 г. № 33.

внутренний⁹.

Из истории жизни русского народа отчасти видно в чем заключается дух Православия, проявившийся и в школе, особенно — в древнерусской. Но можно и принципиально определить дух православия, в его отношении к школе, к чему мы и приступим, приведши довольно не мало исторических справок о его выражении в разных узаконениях и проявлениях в истории жизни церковной школы.

(Окончание будет)

⁹ Некто так говорит о Православии русского народа: „Бог, бесконечный в проявлениях Своего снисхождения к людям, стал Богом отцев наших; вместе с тем Русь стала святою. И как при воплощении Сына Божия с человечеством неслиянно и нераздельно соединилось Божество, так и здесь с естественными качествами и расположениями народа соединялась, воплощаясь по временном, в местном и национальном, божественная Истина". (См. Руковод. для Сел. Паст. 1894 г. № 28, стр. 27).